

КНИГИ
Андрея
ИКОННИКОВА-ГАЛИЦКОГО

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕСТУПНЫЙ
Хроники петербургских преступлений
ЧЕРНЫЕ ТЕНИ КРАСНОГО ГОРОДА
В ТИХОМ ОМУТЕ НЭПА

Анджей
ИКОНИКОВ-
ГАЛИЦКИЙ

В ТИХОМ ОМУТЕ
НЭПА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61
И 42

Оформление обложки Ильи Кучмы

Иконников-Галицкий А.

И 42 В тихом омуте нэпа / Анджей Иконников-Галицкий. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-31854-0

Книга известного историка и публициста Анджея Иконникова-Галицкого является продолжением его авторского цикла о криминальной жизни бывшей столицы Российской империи и на этот раз посвящена периоду нэпа. В ней рассказывается о суровом противостоянии Угрозьска и милиции уголовному миру нэповского Петрограда—Ленинграда. Среди персонажей книги есть такие знаменитости, как, например, король бандитов Ленька Пантелеев и родоначальник петербургской школы научно-криминалистической экспертизы новой эпохи Алексей Андреевич Сальков. Ряд глав специально посвящен различным видам преступлений: бандитизму, убийствам, мошенничеству, воровству, разбою, проституции, хулиганству и др., а также работе сотрудников правоохранительной системы: судов, отделений милиции, исправительно-трудовых учреждений. Книга написана на основании газетно-журнальной судебной и милицейской хроники и научных исследований. Издание снабжено вклейкой с иллюстрациями.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-389-31854-0

© А. А. Иконников-Галицкий, 2007, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ЖИВАЯ ВОДА ДЛЯ МЕРТВОГО ГОРОДА

Петроград на исходе Гражданской войны

В 1918–1920 годы погода в Петрограде не изумляла жителей сюрпризами. Январские морозы сменялись февральскими метелями, те — мартовскими оттепелями, и так далее, и всё в пределах нормы. Единственная аномалия, которую отметили тогдашние синоптики в своих отчетах, — необычайно теплый апрель 1920 года. В середине месяца установилась прямо-таки летняя погода, днем +21 °С. Жители города с наслаждением вдыхали весенний воздух, снимали заношенные пальто, подставляли бледные лица и худые шеи живительным солнечным лучам. Где-то громыхала Гражданская война, устанавливалась, свержалась и вновь торжествовала революционная власть. А здесь было просто тепло, и это вселяло надежду. После холода и голода двух предшествующих лет, после красного террора и сыпного тифа, после всего, что пришлось пережить жителям «столицы Северной коммуны», — наконец-то тепло и солнце. Казалось, самое страшное позади. А впереди — жизнь, несмотря ни на что.

В тихом омуте нэпа

Город-призрак

Зимой 1920 года малоизвестный тогда, а нынче и вовсе забытый поэт Вильгельм Зоргенфрей написал стихотворение «Над Невой»:

Поздней ночью над Невой,
В полосе сторожевой
Взвыла злобная сирена,
Вспыхнул сноп ацетилена.

Снова тишь и снова мгла.
Вьюга площадь замела.

Крест вздымая над колонной,
Смотрит ангел окрыленный
На забытые дворцы,
На разбитые торцы...

Поэт запечатлел то, что нелегко бывает разглядеть даже на фотографиях: лик города, похожий на погребную маску. Погруженный во мрак Петроград, площадь, заметенная снегом, кажущаяся бескрайней по причине удручающего безлюдья. Разграбленные особняки, чернеющие пустыми оконными проемами; заколоченные двери парадных подъездов, перекоренные деревянные торцы некогда идеальных мостовых. Город мертвых, летучий голландец. Люди в нем похожи на тени.

В нише темного дворца
Вырос призрак мертвеца,
И погибшая столица
В очи призраку глядится.

Город, выпестовавший революцию, казалось, погиб в ее ледяном огне. И все-таки выжил. 1920 год оказался переломным. В его начале — безнадежная

разруха, голод, холод, тиф. К концу — что-то начинает меняться. По плану, только что утвержденному в Москве и носящему странное название «ГОЭЛРО», начинает строиться Волховская ГЭС. Продовольственное снабжение чуточку улучшается. Заводы худо-бедно начинают работать. Битком набитые трамваи пусть изредка, но все-таки ползают по рельсам. Уже собираются тучи Кронштадтского мятежа, грядут новые расстрелы, но это будет последняя затронувшая Петроград вспышка революционной смуты. За ней последует постепенная отмена свирепых норм военного коммунизма, а там уже маячит свобода торговли, восстановление денежного обращения — словом, нэп. Мертвый город побрызгали живой водой гражданско-го мира — и он зашевелился.

Для Петрограда — Ленинграда последствия четырех революционных лет оказались огромными. Прежде всего сменилось население. По сути дела, в годы нэпа Петрограду — Ленинграду предстояло быть заселенным заново. В его артерии и вены влилась новая кровь.

В зеркале демографии

Теперь трудно поверить, что в начале прошлого века рождаемость в России была самой высокой в Европе и одной из самых высоких в мире. В 1909–1913 годы в Петербурге в среднем в год на тысячу жителей приходилось 28,7 рождения. Это меньше, чем в Москве (34,7 рождения на тысячу) и по России в целом (44,3). Питер отставал от страны, и причины тому три: дороговизна жизни, неблагоприятный климат и преобладание мужского населения (искатели чи-

нов и мест, сезонные рабочие, солдаты и прочие служилые люди) над женским. Тем не менее демографические показатели в столице Российской империи были выше, чем в Париже, Вене, Риме, Лондоне и Берлине. Правда, и смертность выше: за тот же период она составляла в среднем в год 23,2 случая на тысячу жителей. Пик рождаемости — 1907 год: родилось 57 304 человека (умерло 44 232, прирост — 13 072). Наивысший естественный прирост населения — 1911 год: превышение рождаемости (56 966 рождений) над смертностью (41 653 смертей) составило 15 313 души.

Естественный прирост дополнялся постоянным притоком переселенцев из всех городов и весей необъятной России. В итоге предреволюционное десятилетие стало временем стремительного роста численности жителей столицы. В 1913 году население Петербурга составляло более 2,1 миллиона человек, увеличившись за полтора десятилетия почти вдвое. А к лету 1917 года, несмотря на мобилизацию, достигло 2,5 миллиона. Однако с началом Мировой войны демографическое благополучие покинуло переименованную столицу. Уже в 1915 году в Петрограде умерло народу почти на тысячу больше, чем родилось, в 1916-м — на 10 тысяч. Рост населения в военные годы связан был исключительно с миграцией. Тыловые службы армий с их раздутыми штатами, раненые и больные в госпиталях, демобилизованные по ранению, беженцы, дезертиры — весь этот пестрый контингент бушующее военное море выбрасывало на берега Невы.

И это было незаметным началом падения города в бездну великой катастрофы. Семнадцатый год для

всей России — не только год революции, но и год демографического надлома. Столица заплатила за два столетия имперского процветания по самому полному счету.

Депопуляция, то бишь вымирание. Это бедствие заявило о себе тогда, когда до установления революционной диктатуры, голода, разрухи, ужасов братоубийственной смуты оставалось еще полгода-год. В «свободном» и почти бескровном 1917 году в Петрограде родилось 38 700 человек, а умерло 61 000; в 1918-м — 22 800 и 64 150; в 1919-м, в разгар Гражданской войны, — 12 428 и 65 347. Убыль населения вследствие превышения смертности над рождаемостью составила: в 1917 году 22 300 человек (вдвое больше, чем в предыдущем), в 1918-м — 41 350, в 1919-м — 52 919. Количество смертей на тысячу жителей в 1918 году подскочило с довоенных 23 до 43, в 1919-м — превысило 80, а в 1920 году достигло 90. Это по официальным данным. Насколько они точны, сказать невозможно. В революционном хаосе далеко не все смерти могли быть зарегистрированы.

Уже в начале 1918 года начался исход жителей из города, скоро переросший в паническое бегство. Бежали все кто мог. Бежали от хамства торжествующей красной власти, от своеволия анархистов и малоотличимого от него бандитизма, бежали от нарастающего террора, парадоксально сочетающегося с анархией, от революционных экспроприаций, от обысков, облав, арестов, выселений и уплотнений. Иные ушли воевать — за красных, белых или зеленых, винтовкой и саблями добывать себе право на жизнь. Но более всего бежали от голода и холода — куда глаза глядят.

В Эстонию, на Украину, на Урал, на Дон, если очень повезет — в Германию, а уж на самый худой конец — просто в деревню, там земля прокормит. К середине года численность населения Петрограда сократилась почти на миллион — до 1469 тысяч. К осени 1919 года в «столице Северной коммуны», как теперь предпочитали именовать Петроград, числилось чуть больше 800 тысяч жителей. К концу 1920-го — около 700 тысяч. Это, конечно, тоже очень неточные данные. Они, во всяком случае, говорят о том, что только введение продразверстки в 1919 году избавило город от полного вымирания. Оставшихся жителей худо-бедно можно было прокормить; в деревне же теперь от городских бедствий спасения не было, туда вместе с продотрядами пришли террор и голод.

В опустевшем и опустившемся городе вовсю хозяйничали болезни, прежде всего тиф. О смертности от тифа можно судить только по данным больниц — умерших у себя дома или на улицах хоронили, не устанавливая диагноза. Так вот, в больницах Петрограда за весь 1919 год от тифа (сыпного, брюшного и возвратного) умерло 3637 человек, из которых почти 60% — мужского пола и чуть больше 40% — женского. А в 1920 году, только в январе—марте, санитары снесли в больничные морги тела 2134 питерцев, умерших от тифа. В марте смертность от этой болезни (1007 случаев) превысила смертность от голода и истощения (около 700). Причем активнее всего орудовала болезнь в рабочих и мещанско-чиновничьих районах города: Нарвско-Петергофском (почти половина смертей), Смольнинском и в Александрово-Невской части 1-го городского района.

Душу за керосин

Аккурат в этом самом тифозном марте, а именно 15 числа, окончательно и безнадежно перестали светить в Петрограде уличные фонари. Официальная причина — отсутствие топлива. Впрочем, в течение предшествующих двух лет улицы с каждым вечером погружались во тьму все глубже, ибо самих фонарей становилось все меньше. До революции в городском хозяйстве числилось около 9 тысяч газовых, 3,5 тысячи электрических и 2 тысячи керосиновых уличных фонарей, расположенных как на отдельных столбах, так и на фасадах домов. Бить их начали еще в феврале Семнадцатого. С конца того же года перестали чинить. Сколько осветительных приборов сохранило «работоспособность» к весне 1920-го — неизвестно. Когда спустя два года Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз) Петросовета принялся пересчитывать уцелевшие, то насчитал их 2538 штук. То есть $\frac{1}{6}$ часть от дореволюционного количества.

Темно было и в окнах. Электричество давали изредка, да и проведено оно было далеко не во все дома. Керосин сделался драгоценностью еще в 1917-м. С весны 1918-го его стали выдавать по карточкам... а чаще — не выдавать за неимением. Постепенно погасли керосиновые лампы в закопченном сумраке еще обитаемых питерских квартир. Светлый язычок под стеклянным колпаком загорался, лишь если удавалось по случаю добыть скляночку-другую топлива, выменять на что-нибудь. Впрочем, с хлебом, сахаром, одеждой, обувью творилось то же самое. Зоргенфрей

в уже цитированном стихотворении изображает сцену-символ:

Сумрак тает. Рассветает.
Пар встает от желтых льдин.
Желтый свет в окне мелькает.
Гражданина окликает

Гражданин:

— Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

— Я сегодня, гражданин,
Плохо спал:
Душу на керосин
Обменял.

Кому повезло доказать свою нужность пролетарской коммуне, того «прикрепляли» к какой-нибудь кухне или выдавали паек. Каша-затируха, мерзлая картошка, гнилая капуста, фунт червивой конины. Это если очень повезет. Совсем сказочное везение — получить вещевое довольствие: валенки, ватник, отрез сукна. Сапоги — верх роскоши. За два-три года революции жители города невероятно обносились. Протертый на локтях до дыр пиджак, пальто с обсыпавшимся воротником и без пуговиц, башмаки, к которым подметки примотаны веревками, — обычная одежда петроградского жителя. Ботинки, бывало, носили по очереди втроем-вчетвером. Некая иностранка, посетившая Совдепию в 1919–1920 годы, записала свои впечатления о концерте Шаляпина в Мариинском театре. Искусство искусством, но этот нетопле-

ный зал, публика в изношенных пальто и драных шинелях... И на сцене великий артист, первый бас Европы, во фраке и рваных башмаках, из которых выглядывали босые пальцы.

Работы и заработка в городе не было, ибо производство рухнуло. До революции в городе действовало 239 металлургических и металлообрабатывающих предприятий и работало на них 233 тысячи рабочих. В 1921 году — 68 предприятий и 26 тысяч рабочих. Почувствуйте разницу.

Помыться, жениться и умереть

Маленький парадокс революции: с пищей, одеждой, теплом и светом дело было табак (кстати, с табаком тоже), а вот с общественными туалетами (по тогдашней официальной терминологии — клозетами или ретирадниками) — заметно лучше. За недостаточное развитие сети этих необходимых заведений городские власти дореволюционного Петербурга — Петрограда постоянно подвергались бичеванию. Ко времени свержения самодержавия в столице насчитывалось 38 отапливаемых общественных клозетопавильонов (так что участникам февральских революционных событий было где справлять нужду в перерывах между митингами) и 28 неотапливаемых закуточков, именуемых общественными писсуарами. Комиссия Откомхоза, занимавшаяся в 1922 году восстановлением городского хозяйства, констатировала, что эти учреждения неплохо сохранились: павильонов — 38, как было, а вот писсуаров — на один больше (когда и откуда взялся — непонятно).

Правда, функционировали не все — соответственно 33 и 26.

В дореволюционном Петербурге не существовало единой системы канализации; проект последней был принят городской думой 7 мая 1914 года и высочайше утвержден в 1915 году. Смета — 91 миллион рублей, коллекторы, насосные станции, напорная сеть, очистные сооружения... Завершение всех работ запланировали на 1931 год. Естественно, до революции успели сделать немного. Нет худа без добра: в годы разрухи по этой части нечему было выходить из строя. Трехкратное снижение численности населения снизило остроту ассенизационных проблем. Читателю небезынтересно будет узнать, что во время революций, Февральской и Октябрьской, Северная Пальмира, по данным санитарных служб, извергала в среднем 50–60 тысяч пудов экскрементов в день. На 1920 год точных данных нет; приблизительно — 10–15 тысяч пудов. Все-таки легче. Но с вывозом даже такого количества «этого самого» существовали проблемы. По итогам ревизии 1922 года, в ассенизационном обозе Петрограда числилось всего лишь 35 лошадей. Получается, что каждая лошадишка ежедневно должна была вывозить в Гавань, где между Малым и Средним проспектами еще до революции соорудили специальный приемник-резервуар для дерьма, по 450 пудов (7,5 тонны) этого продукта.

Высокая смертность, эпидемии тифа и испанки поставили перед властями коммуны еще один вопрос — о трупах. Когда-то, в незапамятном 1900 году, председатель Санитарной комиссии городской думы

господин Оппенгейм твердил о необходимости строительства крематория в столице. Этот энтузиаст много лет всеми силами проталкивал сию передовую идею и даже издал брошюру «О крематории». Но реализовать проект до революции не удалось: не призывали петербуржцы к огненному погребению. Новая власть, склонная к экспериментированию в области ритуала, заинтересовалась экзотическим новшеством. В 1919 году, в разгар боев с Юденичем, была образована комиссия по созданию крематория и проведен конкурс проектов. Один из них, между прочим, предусматривал переустройство под эти нужды Троице-Измайловского собора. Наступивший нэп похоронил идею: для госучреждений был установлен хозрасчет, а окупиться крематорий обещал нескоро. В 1922 году комиссию распустили. Покойников продолжали возить на старые кладбища.

Но смерть смертью, а жизнь есть жизнь. В некоторых ее областях годы разрухи парадоксальным образом стали временем положительных перемен. Например, в Петрограде стали гораздо чаще жениться. В 1919 году было зарегистрировано более 20 тысяч браков, то есть примерно 23 брака на тысячу жителей. Вдвое больше, чем в этом же первом послевоенном году во Франции и Германии. Конечно, причины роста — в упрощении подхода к вопросу. Раньше — все эти благословения, обручения, венчания, родственники, приданое... Теперь — взяли за руки, пришли в загс, расписались — и готово. И развестись так же просто.

Сокращение численности населения в 1918–1920 годы надолго убрало с повестки дня едва ли не самый

проклятый из всех проклятых вопросов современности — квартирный. В отличие от москвичей, он не портил питерцев еще лет семь-восемь, до конца 1920-х годов. Судите сами: в 1910 году на одну квартиру в Петербурге в среднем приходилось 8,4 жильца (очень много!), в 1917-м и того больше — 10, в 1918-м — только 5. А в 1920-м — 3,5 жильца на квартиру; комнат же в среднестатистической квартире числилось три. Получается, что шестеро из семи питерцев (конечно, среднестатистических) занимали по отдельной комнате. Ни до, ни после о таком жилищном благополучии не приходилось и мечтать. Правда, из-за той же разрухи около четверти всех жилых помещений в городе пустовали. И все же страшная, антисанитарная и бесчеловечная скученность населения, которая была характерна для Петербурга капиталистической эпохи, навсегда отошла в прошлое.

И еще одно неожиданное достижение революционной эпохи. Жители города стали расходовать воды в два с половиной раза больше, чем до революции: почти 32 ведра в сутки на человека в 1920 году по сравнению с 12–14 ведрами в предреволюционные годы. Вот она, живая вода! Водопроводом, правда, была охвачена примерно половина домов Петрограда; без него перебивались в основном обитатели маленьких деревянных домов и домишек по окраинам.

«Ввиду отсутствия обмундирования...»

Но вот что не давало покоя ни властям, ни обывателям, так это преступность. С апреля по декабрь 1917 года в городе было зарегистрировано 10 230 пре-

ступлений; в 1918-м за весь год — 12 841. Отсутствие роста, скорее всего, объясняется тем, что в условиях революционного хаоса многие правонарушения просто не регистрировались.

В 1919 году, когда новый правопорядок уже начал устанавливаться, количество преступлений подсккивает вдвое — 24 500. Это при снижении численности населения в полтора-два раза. В течение того же 1919 года рабоче-крестьянской милицией Петрограда было осуществлено 17 886 арестов и задержаний. Надо сказать, что советская судебная система тогда еще не сложилась, уголовное и процессуальное законодательство было очень фрагментарным, поэтому о масштабах и характере преступности можно судить главным образом по милицейским сводкам.

Несомненное лидерство принадлежит кражам и грабёжам; они стали причиной 6740 задержаний. Пожару, еще в стольких же случаях преступникам удалось скрыться. Размах этого рода преступлений понятен: в бывшей столице еще было что и кого грабить. Темные улицы, мрачные подворотни, безлюдье — все это благоприятствовало злоумышленникам. Второе место среди причин задержания занимает банальное «пьяное состояние» — 1765 случаев. Это странно потому, что уже пятый год (с начала Мировой войны) в стране действует «сухой закон» и торговля спиртным преследуется самым суровым образом. А вот, поди ж ты, где-то доставали...

Доставали, собственно, «под носом» у новой власти. 744 раза за год милиционеры забирали торговцев спиртным. А вот за изготовление «зеленого змия» — всего 2 задержания! С одной стороны, не научились

еще бороться с самогонщиками. С другой — похоже, что основные потоки хмеля текли в глотки пьяниц Северной коммуны из государственных запасов, с охраняемых баз и складов.

Не вызывает удивления, что на третьем-четвертом месте — задержания за торговлю неразрешенными товарами (1308) и спекуляцию (1216): в республике, где запрещена частная собственность и всякая торговля приравнивается к спекуляции, по-иному быть не может. А вот что удивляет, так это сравнительно небольшое количество убийств. Арестовано по этой причине 26 человек и еще 24 — за покушение на убийство. Пересчитаем на тысячу жителей — и увидим, что убивать в коммунистическом Петрограде по сравнению с императорским Петербургом не стали больше. Вовсе ничтожно количество задержаний за преступления на сексуальной почве: всего 5 человек арестованы за изнасилование. То ли революция направила «крылатый Эрос» в полет к светлому социалистическому будущему, то ли свобода нравов восторжествовала, то ли голод лишил преступников силушки...

Характерно практически полное прекращение фальшивомонетничества (2 задержания): деньги никому не нужны. Если уж что и подделывать, так это продовольственные карточки — 216 задержаний. Не перевелись в городе мошенники: сцапано 525 таких. За азартные игры, строжайше запрещенные советской властью (и правильно!), — 611 задержаний. Еще удалось отловить 275 дезертиров. Это немного, если учесть, что война под Петроградом всю гремела, особенно в мае и октябре 1919 года. Видимо,

дезертиры теперь вовсе не стремились (как в 1917 году) в Петроград, а предпочитали тихариться по деревням. И наконец, факт показательный: агитация против власти стала поводом для ареста всего лишь в 153 случаях. Как видим, население Петрограда, несмотря на продовольственный и товарный голод, в целом смирилось с новой властью. И научилось побаиваться ее. И не бунтовало даже в дни осеннего наступления Юденича, когда его войска стояли на Пулковских высотах.

1919 год был годом серьезных успехов питерской милиции в борьбе с уголовщиной. Это видно уже из того, что в 1920 году количество зарегистрированных преступлений снизилось почти на треть — до 16 806. Власти обрадовались — и приступили к реорганизации милиции. Сократили наполовину ее состав. В строю осталось лишь две с небольшим тысячи милиционеров. Да и тех содержать казалось дорого. Из Питера шли в Москву жалобы на нехватку средств на обмундирование защитников революционного правопорядка. В ответ на это замнаркома внутренних дел тов. Владимирский прислал телеграмму руководству Петроградского управления милиции: «Ввиду отсутствия обмундирования и снаряжения в распоряжении отдела снабжения Главмилиции, впредь предлагается вам не принимать на службу новых милиционеров, если управление не в состоянии обмундировать и вооружить их собственными средствами».

Последствия не замедлили сказаться: в 1921 году преступность снова подскочила до уровня 1919 года. Но тут уже наступили другие времена. Петроград ожи-

В тихом омуте нэпа

вал, восстанавливал силы, и вместе с новыми обитателями из разных углов и закоулков Советской России стекались в город трех революций щипачи, фармазоны, шнифферы, хипесницы и романтические бандиты типа Леньки Пантелеева. В криминальной истории города начинался новый этап.

АНДЖЕЙ АНДЖЕЕВИЧ ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ

В ТИХОМ ОМУТЕ НЭПА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Полина Малышева, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.02.2026.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,32 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

